

Весна — это всегда надежда. Всегда.

И ожидание чего-то замечательного, которое обязательно вот-вот настанет, исполнится — грядет! В весне гораздо больше надежды и ожидания, чем в новогоднем празднике и в таком долгожданном и бесшабашном мгновенно пролетающем лете.

Ожидание лучшего скрыто в нас на глубинном генетическом уровне, в крови, в подсознании и сознании, передаваясь веками от предков, — радость, что дожили: ну вот, слава те, господи, зиму перевалили — отстояли-прошли, теперь уж чего и не радоваться, жить будем. Инстинкт такой приобретенный, особенно у северных народов. А мы народ северный, как ни посмотри. Стоит только выйти солнышку уже не по-зимнему, скромненько на часик-другой да урывками сквозь тучи тяжелые, и не по-морозному ледяно на серебряном небосводе, а разлечься в небе во всю ширь лазурную, раскинуться хозяйски да припечь — так сразу что-то меняется в человеческой душе. Цветком смелым пробиваются через зимнюю наморозь усталости и бесконечной серости будней радость какая-то особая да надежда светлая. Не зря у нас самые ухарские, веселые и хлебосольные именно весенние праздники — широкая Масленица да светлая Пасха.

Вот так размышляла Надежда, выехав на трассу и опустив козырек лобового стекла от ударившего в глаза весеннего солнышка.

Вздыхнула глубоко, порадовалась такому утреннему обнадеживающему теплу, почти жаре, и принялась размышлять о весне. Надя специально выехала пораньше.

Задумала по приезду, до погружения в дела, пройти по тропинке вдоль берега реки. Открывающиеся с этой дорожки потрясающие панорамные виды по обоим берегам всегда действовали на нее умиротворяюще и вместе с тем неизменно затрагивали что-то внутри первозданной чистой красотой, настраивая на философские размышления о суетности бытия. Как-то вот так. Одним словом, успокаивали ее эти красоты среднерусские.

Краевиды, как говорит один ее знакомый.

Сегодня эта прогулка прямо-таки просилась в планируемую оказию нынешнего делового приезда. Надю с самого пробуждения одолели ни с того ни с сего непонятная тревога и беспокойство беспричинное, как перед бурей или еще чем стихийным, пугающим. И такое странное настроение одолело — все из рук валится, не ладится. Главное, с чего бы? Совсем непонятно. И Надюшка почти неосознанно, словно поторапливал кто, спешила добраться до пансионата до назначенного времени встречи, надеясь пройти над рекой и, наконец, уравновесить, утихомирить этот непонятный душевный раздрай.

Вот и выехала на полчаса пораньше и всю дорогу неосознанно подгоняла себя, все прибавляя и при-

бавляя скорость, спеша добраться и скинуть это странное душевное состояние.

Тропинка та не простая, а, можно сказать, даже уникальная — проложена она была в диком, «протоптанном» виде многочисленными отдыхающими пансионата, любима и «усовершенствована» парочками, стремящимися к уединению, в поисках которого они умудрялись забираться на самые отвесные склоны над крутым берегом. Несколько лет назад по велению руководства пансионата тропинку окультурили, выложив красной тротуарной плиткой, огородили те самые рискованные места над кручей коваными заборчиками, поставили скамейки для отдыха с панорамным видом, настраивающим на особую романтику, поддерживав таким образом инициативу, проявленную, так сказать, снизу, от народа.

Дорога заканчивалась у центральных ворот и проходной пансионата большим кругом с двумя остановками, расположившимися друг напротив друга для приезда и отъезда пассажиров. На круге разворачивались автобус, ходивший раз в день, и маршрутка, приезжавшая так же: раз в день. Пансионат-то находился в глухомани, далекой от цивилизации, до ближайшего города тридцать километров. В этом-то и состояла прелесть этого почти дикого места, медвежьего угла — в уединенности и великолепной природе, в которую был гармонично вписан пансионат.

Рядом с правой остановкой расположился небольшой магазинчик из желтого кирпича, выполненный в той же непритязательной стилистике, что

и пропускной пункт дома охраны на входе. Сдержанно и со вкусом.

А дальше, за левой остановкой для отъезжающих пассажиров, длинным прямоугольником пристроилась охраняемая бесплатная автостоянка. Народ в пансионат приезжал отдыхать далеко не бедный, и многие предпочитали добираться на своих авто.

Надежда припарковалась на автостоянке, вышла, пикинула сигнализацией, закрывая машину. Затем кивнула и приветливо улыбнулась охраннику, поспешившему выйти из будки на въезде и поздоровавшемуся с ней, и двинулась к проходной.

Гостем она тут была не частым, к тому же деловым, но давним, Надю знали многие работники, а уж охранники так тем более.

— Доброе утро, Надежда Семеновна. Что-то вы сегодня совсем раненько, — выказывая особое уважение, встретил ее у домика проходной один из них.

— Здравствуйте, Андрей Васильевич, — улыбнулась она в ответ, махнула приветливо рукой оставшемуся в будке напарнику охранника и пояснила: — Да вот решила прогуляться немного, полюбоваться вашими красотами.

— А-а... — понятиливо кивнул Андрей Васильевич и одобрил данный порыв: — Дело хорошее. Над рекой, по бережку, что не пройтись-то, особо утречком. И для здоровья полезно, и для души не вредно.

Дядька был еще тот! Бывший служака, лет шестидесяти, Надюха подозревала, что из гэбистов или каких иных органов «веселых», но «сек» он все четко — памятью обладал отменной, мелочей не про-

пускал, лица запоминал с первого раза и глаз имел хитрющий, с прищуром.

Ну еще бы! Пансионатик-то не из самых простых и доступных — условно на «пять звезд», облюбован для спокойного отдыха многими известными людьми, частенько очень известными, и охрана территории выстроена по высшему разряду — а не для привычного отсиживания форменных пятых точек за мониторами престижа ради. К тому же хозяин этой красоты — ой-ёй-ёй какой товарищ непростой, у него вообще не забалуешь, тем паче если дело касается его собственности.

Впрочем, не об этом.

Этот Андрей Васильевич имел к Надюхе явный мужской интерес и при каждой встрече старался его выказать хоть намеком на известные ему пристрастия дамы, например, такие как прогулки над рекой, или заведя разговор легкий, или каким иным приятным образом, однажды даже букетик полевых цветов презентовал с щедрой улыбкой в придачу. Приосанивался всякий раз, как Надежду видел, втягивал животик, расправлял плечи и старался сказать что-нибудь приятное. Ну так — легко, игриво, без пошлости и ожиданий. Хороший дядька. Да и ей приятно. Он все-таки такой мужичок интересный и моложавый.

Она улыбнулась ему еще разок, кивнула в знак согласия с высказыванием и, проходя через ворота на территорию, подумала, вот и настроение приподнялось — что значит внимание мужчины, даже такое — легкое, без намеков, а лишь подчеркивающее ее привлекательность.

Но, подходя к реке, Надя расстроилась.

Сразу так расстроилась! Ну вообще ужасно! Солнышко припекало крепко так, и совсем весна-весна вокруг, и даже лето вроде как ручкой машет... а от реки на берег напал тяжелый густой туман!

Ну не досада, а?! Ну как вот так?!

Надежда уже настроилась пройтись и утихомирить непонятные душевные трепыхания созерцанием природы, а заодно продышаться хвойно-речным прозрачным и звенящим от чистоты воздухом и, прогулявшись любимым маршрутом вдоль соснового бора над рекой, выйти к административному зданию спокойной, бодрой и с привычной Наде неспешной деловой размеренностью. А тут!

И туман ведь какой-то странный — плотный, молочно-белый, клоками рваными, похожий на комки разбросанной беспорядочно ваты, — поднимался снизу от реки и уже умудрился напалзти на высокий берег и закутать почти всю тропку.

«Ну и ладно, — решила Надежда. — Ну, туман, и что теперь!» Не идти же в самом деле в администрацию, чтобы провести там в приемной еще сорок минут! Решила гулять, значит, пойдет гулять!

Но стоило ступить на тропинку и войти в эту зыбко колышущуюся субстанцию, как все негодование и разочарование сменилось ощущением какой-то сказочной нереальности происходящего — птичий гомон остался вдалеке, вокруг стояла удивительная тишина, нарушаемая лишь еле-еле слышным шорохом речных волн. Необычно плотный, непроглядный молочный туман окутал Надю своими влажными объятиями и не хотел выпускать. Стоило

выйти из сгустка тумана, как вдогонку все тянулись и тянулись белесые щупальца, цеплялись за одежду, закручивались спиральками, словно скорбели о расставании и звали назад.

Но главное, все-таки тишина... Неправдоподобная такая, удивительная. Мягкая.

Мистика какая-то.

И вдруг в этой призрачной тишине Надя расслышала чьи-то шаги... Четкие, неторопливые шаги человека, двигавшегося навстречу по дорожке. Надя улыбнулась загадочности происходящего: ничего не видно, лишь небольшие просветы между клочками тумана — в которые то попадаешь, то снова проваливаешься в таинственное молоко, неестественная, приглушенная тишина и эти шаги.

Как в страшилках — вот сейчас выйдет незнакомец из ниоткуда и будет стра-а-а-ашно-о-о-о...

Шаги приближались, Надя подумала, что идущие навстречу запросто могут и столкнуться в такой-то ватной непрогляди, и усмехнулась, красочно представив себе курьезную картинку, как два человека налетают друг на друга.

И тут она оказалась в одной из «прорех» туманного покрова и увидела, как в метрах десяти перед ней, из плотного молочно-туманного сгустка показалась мужская фигура. Сначала очертания мужчины обозначились темным силуэтом в этой белой субстанции, а затем, разрывая окутавший его туманный кокон, он вышел в просвет, и за ним потянулись просяще-умоляюще нити-руки и, безнадежно отрываясь, закручивались у него за спиной в небольшие вихри-спиральки, словно гладили-прощались...

И тут она узнала этого человека! Сразу! Мгновенно!

Этой встречи не могло быть в реальности, просто не могло быть, и все!

Надюхе на какое-то мгновение подумалось, что она фантастическим образом переместилась во времени и пространстве, в котором этот человек материализовался перед ней, пройдя через какой-то таинственный портал. Или он провалился, или она. А может, оба они куда-то провалились. Но это точно не должно было происходить в действительности!

От этого резкого, как удар, узнавания и неожиданности она замерла, не в силах пошевелиться, внутри словно что-то взорвалось, обдав все тело кипятком, горячая волна ударила под колени и прокатилась до ступней.

А мужчина, продолжая прогулочным неторопливым шагом двигаться навстречу, скользнул по лицу девушки взглядом и дежурно улыбнулся, как обычно улыбаются на отдыхе малознакомым людям, с которыми сталкиваешься в ресторанах, на прогулках-экскурсиях или у ресепшена, вроде как у вас один «клуб по интересам», к которому вы приобщены, но, слава богу, без близко-дружественных отношений. Мимолетом, мимоходом, ни о чем. Улыбка — легкий комплимент.

Он шел навстречу, продолжая удерживать ту самую приветливую улыбку на губах, даже какой-то намек на кивок головой изобразил, и Надя вдруг подумала с облегчением, что сейчас мужчина так и пройдет мимо — он не узнает ее, это невозможно, и они общались-то совсем недолго, около месяца,

и она ничего не значила для него миллион жизненных лет и обстоятельств назад. Пройдет — решила укрепнуть эта мысль...

Но в какое-то неуловимое мгновение, когда мужчина был уже метрах в пяти от Нади, выражение его лица резко изменилось — улыбка пропала, как растаяла, взгляд стал цепким, острым. Человек пристально всмотрелся в лицо незнакомки, замер, а затем решительно направился прямо к ней.

— Вы Надя? — спросил он, остановившись перед ней, все так же бесцеремонно-внимательно рассматривая ее лицо.

Она не стала отвечать. Почувствовала, как первая горячая волна отхлынула и за ней приходит какое-то замораживающее спокойствие, словно Надя наблюдает за происходящим со стороны. Стояла и рассматривала его в ответ.

— Надя Петрова, — выдохнул он.

Не спросил — утвердил как данность, как узнавание давно разыскиваемого и нужного человека, которого обыскался, аж устал и наконец-то вот встретил, нашел. А она молча смотрела прямо на него.

— Вы, может, меня не помните, — предположил мужчина, неверно расценив это ее затянувшееся молчание. — Я Даниил...

— Я помню, — перебила она, — вы Даниил Казарин.

— Да... — обрадовался он как-то явно и непонятно для нее и повторил: — Да.

Постоял, размышляя о чем-то, и вдруг ошарашил заявлением, перейдя сразу же на «ты»:

— Я искал тебя.

— Зачем? — помолчав пару секунд, ровным тоном спросила она.

После взрыва чувств от неожиданности и оторопи первого узнавания этого мужчины, невозможного и нереального в ее жизни, она странно чувствовала себя, будто продолжала смотреть на происходящее со стороны. Ощущения, эмоции — все словно действительно подверглось мгновенной заморозке. Можно не бояться сказать или сделать что-то не так, успеешь сто раз подумать, пока продерешься сквозь этот лед, и уже не потребуются ни говорить, ни делать что-либо, потому что действие разворачивается дальше без нее, а она тормозит, запаздывает.

— Я хотел многое тебе рассказать, объяснить, — перевел взгляд с лица, посмотрев куда-то выше ее плеча, вдаль, Даниил.

— Зачем? — повторила Надя «замороженным» голосом.

— Это важно для меня, — опять посмотрел на нее Казарин, только каким-то другим, совсем непонятным взглядом.

Она снова помолчала, контролируя эмоции, начавшие так же неожиданно «оттаивать» и проситься наружу, и постным ровным тоном уведомила, вроде как прощаясь:

— Мне надо идти.

— Ты здесь отдыхаешь? — слишком заинтересованно спросил Даниил Казарин.

— Нет, — односложно, без объяснений ответила Надя.

— Работаешь? — не отступил он.

— Да, — вторично не порадовала конкретикой дама.

— Я провожу, — утвердил он, но тут же поняв свою ошибку, уточнил: — Надеюсь, ты не против?

— Проводи, — пожала она плечами почти равнодушно.

Они двинулись по тропинке рядом. И «заморозка», сделав свое дело, останавливая любые открытые эмоциональные порывы, стремительно растаяла и вовсе отпустила Надю, возвращая ей привычную рассудительность и почти спокойствие. Ну ладно — вовсе и никакого не спокойствие, но по крайней мере она уже вполне владела своими эмоциями. Ну хорошо, хорошо — не вполне и владела, но хоть как-то управлялась с ними.

— Можно пригласить тебя в кафе? — поинтересовался Даниил вроде бы осторожно-мягко, но довольно настойчиво.

Все-таки это не тот мужчина, который способен осторожничать и прогибаться перед женщиной или вообще перед кем бы то ни было. Он привык отдавать распоряжения и приказы, а не исполнять чьи-то. По крайней мере раньше он был именно таким.

— Мне надо в третий раз спросить: зачем? — усмехнулась Надюха.

— Поговорить, — усмехнулся в ответ он и растолковал с неким нажимом: — Надь, я действительно тебя искал долгое время. И я точно знал, для чего и что хочу сказать.

— Одиннадцать лет прошло, Даниил, — напомнила Надя, — все, что бы вы ни хотели мне сказать, перестало быть актуальным уже давно.